

человечеством, победа была одержана слишком поздно. Но для сегодняшних детей — наших и ваших — еще совсем не поздно. Мы свидетельствуем только ради них. Именно ради них мы обязаны осудить антисемитизм и его ужасы и уродство, расизм и его глупость, религиозную и этническую ненависть и их опасности. Те, кто сегодня проповедует и практикует культ смерти; те, кто прибегает к терроризму самоубийц, являющемуся бедствием нового века — все они должны быть отданы под суд и осуждены за преступления против человечества. Муки не даруют никаких привилегий. Значение же имеет то, как поступают в отношении мук. Да, прошлое живет в настоящем, однако будущее все еще в наших руках — как ваших, так и моих.

Те, кто пережил Освенцим, проповедуют надежду, а не отчаяние; великодушие, а не злобу или горечь; признательность, а не насилие. Мы должны быть причастны. Мы должны отвергнуть безразличие как один из возможных вариантов поведения. Безразличие всегда играет на руку агрессору и никогда — жертвам. И в чем тогда суть и смысл памяти, если не в благородном и необходимом реагировании на безразличие и против него?

Так что сегодня многие из нас признательны Организации Объединенных Наций, ибо мы относимся к сегодняшнему дню как дню историческому. Мы признательны представителям за их присутствие, за их внимание и за их действия. Однако как учитель я всегда верю в пользу вопросов, а вопрос заключается в следующем: будет ли мир когда-нибудь учиться на своих ошибках?

Председатель (*говорит по-французски*): В соответствии с принятым ранее решением я сейчас предоставляю слово ветерану союзных войск и бывшему заместителю Генерального секретаря г-ну Брайену Уркварту.

Г-н Уркварт (*говорит по-английски*): В ознаменование освобождения самого ужасного из нацистских концлагерей — Освенцима — мы вспоминаем здесь, в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, невообразимое преступление, которое совершалось в Европе всего 60 лет тому назад на протяжении более десятилетия, — преступление, о котором только что рассказывал Эли Визель, причем рассказывал так, как может сделать только он.

В апреле 1945 года я был среди тех солдат союзных войск, которые первыми вошли в лагерь Берген-Бельзен. Этот лагерь был создан сравнительно поздно в ходе войны для приема, в числе других жертв, тех, кто уцелел в лагерях, которые были расположены восточнее, включая Освенцим, и которые могли быть взяты советской армией.

Я употребил слово «невообразимое», потому что то, что мы увидели в Бельзене, было действительно невообразимым. На многих из нас давно навели ужас антисемитизм нацистов и преследования нацистами евреев. Да и сам я с 1933 года прекрасно представлял все это, так как в школе на западе Англии, которую держали моя мать и ее сестры, училось много еврейских девочек, бежавших из Германии и, позднее, из Австрии. И, конечно, я был знаком с некоторыми еврейскими беженцами, когда перед войной учился в Оксфорде.

Но до тех пор, пока ты сам не увидишь этой ужасной картины, невозможно представить себе той огромной системы расового уничтожения, в которой Бельзен был лишь небольшой частью, системы методичного убийства миллионов ни в чем не повинных людей, преднамеренного осквернения миллионов человеческих душ в сознательно созданных омерзительных и унижающих достоинство условиях, — и все это во имя извращенной и безумной идеологии.

В Бельзене мертвые и умирающие были повсюду. Там свирепствовали холера, тиф, оспа, корь, дизентерия, не говоря уже о повальном голоде. Две стены детской площадки для игр — если ее можно так назвать — состояли из аккуратно сложенных штабелями человеческих тел. В этом как раз и состоит одна из проблем предотвращения геноцида: обычные люди просто не могут себе этого представить до тех пор, пока все это не случится на самом деле и они не смогут убедиться в этом воочию. А к тому времени, конечно, делать что-то уже поздно.

Даже после ежедневных ужасов шестилетней мировой войны нацистские концлагеря буквально потрясли весь мир. Они показали миру, что одного мира — этой заветной цели — недостаточно. Они показали миру, что все еще возможна ситуация, когда даже в Европе, правительством или контролирующей страну группа, ослепленные фанатизмом или идеологией, способны убить миллионы ни в чем не повинных людей. Они показали миру, что

непредсказуемые вспышки бесчеловечного отношения одного человека по отношению к другому требуют универсального, согласованного всеми стандарта в области прав человека.

Этот стандарт был разработан на удивление быстро под руководством Элеаноры Рузвельт и утвержден в 1948 году здесь, в Генеральной Ассамблее, в виде Всеобщей декларации прав человека. Но спустя почти 60 лет нам по-прежнему не удается найти надежный метод защиты и обеспечения соблюдения этих прав во всех районах мира. Генеральный секретарь напомнил нам о том, что мир и Организация Объединенных Наций по крайней мере трижды с 1948 года не сумели предотвратить широкомасштабный геноцид, и в этот самый момент геноцид, возможно, совершается в Дарфуре.

В последнее время Генеральный секретарь и другие выдвигают более жесткие предложения по предотвращению таких грубых нарушений прав человека. Это празднование годовщины освобождения Освенцима должно напомнить правительствам и всем не безразличным к этому людям о том, как важна эта цель. Это празднование должно напомнить о том, что способны даже сейчас сделать друг с другом люди, движимые ненавистью, или страхом, или какой-либо извращенной идеологией, — вопреки всем доводам здравого смысла.

Память о миллионах невинных жертв нацистских лагерей и о многих других людях, ставших жертвами уже после этого, это призыв к действию, это мольба мертвых о том, чтобы такое больше никогда не повторилось.

Пункт 7 повестки дня

Празднование шестидесятой годовщины освобождения нацистских концентрационных лагерей

Председатель (*говорит по-французски*): Теперь я предоставляю слово представителю Израиля заместителю премьер-министра и министру иностранных дел Его Превосходительству г-ну Сильвану Шалому.

Г-н Шалом (Израиль) (*говорит по-английски*): Шестьдесят лет назад солдаты союзных войск подошли к воротам концлагеря Освенцим. Они никак не были готовы к тому, что их ожидало там и в других освобожденных ими лагерях: зловоние разла-

гающихся трупов, горы одежды, зубов, детской обуви. Но, по рассказам освободителей, еще больше, чем запах, даже больше, чем горы трупов, их поразили лица оставшихся в живых узников, на которых был написан настоящий ужас.

Рассказ Харольда Хербста, одного из американских солдат, освобождавших Бухенвальд, вполне типичен и созвучен многим другим:

«Проходя по баракам... я услышал голос; повернувшись, я увидел, что ко мне обращается живой скелет. Он сказал: «Эй, слава Богу, что вы пришли!» Это было странное чувство. Вы когда-нибудь разговаривали со скелетом? А именно это я и делал. А потом я увидел великое множество таких живых скелетов, которые оставили после себя немцы».

Тысячи лет тому назад пророку Иезекиилю было похожее видение. В одном из самых известных мест Библии пророк рассказывает о том, как он пришел на поле, полное костей. Кости, говорит Иезекииль, это дом Израилев. И кости сухи, и в них погибла надежда. Увидев все это, он задался вопросом: оживут ли кости сии? Оживут ли кости сии? Иезекииль задал вопрос, которым задавались все, кто освобождал эти лагеря: возможны ли после такого ужаса какая-то надежда или какой-то гуманизм? Оживут ли кости сии?

Сегодня здесь со мной те, кто совершенно не щадил себя — как оставшиеся в живых, так и участвовавшие в освобождении. Это мужчины, как например, Дов Шиланский, который вел борьбу в гетто, а позднее стал спикером израильского парламента — кнессета; Йосси Палед, который после освобождения от террора нацистов стал генерал-майором Израильских сил обороны и защищал свой народ от ужасов новой катастрофы; и Давид Гринштейн, который выжил в трудовых лагерях и сейчас возглавляет организацию, занимающуюся вопросами реституции за принудительный труд при нацистском правлении; и женщины, как например, Гила Алмагор — сегодня первая леди израильской сцены и израильского кино, — которая воплотила свой опыт дочери жертвы холокоста в искусство, которое тронуло сердца миллионов.

Когда мы видим, что эти жертвы смогли создать и построить, внося свой вклад в развитие человечества, — семьи, карьеры, литературу, музыку